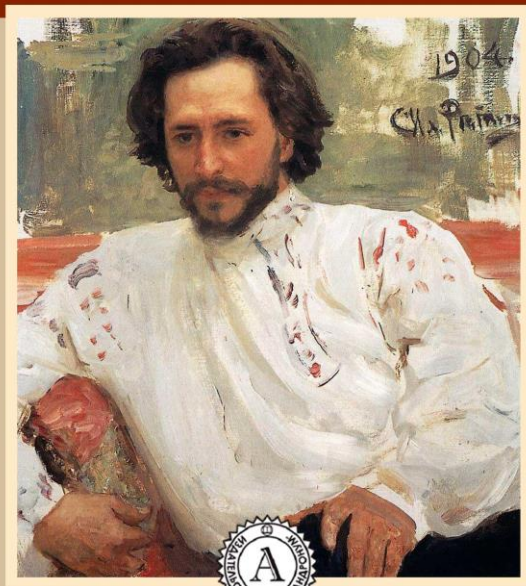

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ

ЕКАТЕРИНА
ИВАНОВНА

«Екатерина Ивановна» — произведение представителя Серебряного века русской литературы, родоначальника русского экспрессионизма Л. Н. Андреева (1871–1919). ***

Эту пьесу (1912) Немирович-Данченко назвал «колючей». Он писал, что она «будет волновать, беспокоить, раздражать, злить, возмущать. Тут до такой степени обнажаются язвы нашей жизни, и так беспощадно, без малейшего стремления смягчить, загладить». Автор создал язвительный портрет русской буржуазной интеллигенции.

Перу Андреева принадлежат и такие произведения: «Тот, кто получает пощечины», «Реквием», «Король, закон и свобода», «Младость», «Сатирические миниатюры для сцены».

Леонид Николаевич Андреев
ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА
Пьеса в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Георгий Дмитриевич Стибелев, видный общественный деятель.

Екатерина Ивановна, его жена.

Вера Игнатьевна, его мать.

Алексей Дмитриевич Стибелев, брат его, студент.

Татьяна Андреевна, мать Екатерины Ивановны.

Елизавета Ивановна (Лиза), сестра Екатерины Ивановны.

Аркадий Просперович Ментиков.

Павел Алексеевич Коромыслов, художник.

Торопец, художник.

Людвиг Станиславович, художник.

Фомин, студент.

Тепловский.

Жура, племянник Коромыслова.

Гувернантка у Стибелевых.

Горничная Саша.

Маша, горничная Коромыслова.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Первый час ночи на исходе.

В большой барской столовой тот легкий беспорядок, который оставляет за собой ушедший день. Пусто; вверху, в люстре над столом, горит одна только лампочка, и это дает чувство неприятной асимметрии. В первую минуту кажется, что все в доме уже спят, но нет: слышны голоса. И, приглядевшись, видишь, что одна дверь неплотно закрыта, и в щель идет яркий свет, и за дверью громко и тревожно говорят двое, мужчина и женщина. Голоса то падают, то возвышаются почти до крика, перебиваются короткими, но глубокими паузами, раз даже слышны слова: «Ты лжешь!» — коротко и гневно выкрикивает мужской голос.

В наступившей паузе слышнее стук маятника. Приоткрывается досель незаметная дверь в левой стене, и наполовину выходит студент, высокий, безбородый, с длинной шеей, в тужурке; в руках у него маленький поднос с двумя пустыми стаканами от чая. Что-то, извиняясь, говорит назад, в свою комнату, и приотворяет дверь. Осторожно, чтобы не стукнуть, ставит поднос на стол и, внимательно вытянув шею, прислушивается к голосам, возобновившим свой непонятный, тревожный и тяжелый спор. Потом

так осторожно, без шума, возвращается назад и плотно закрывает за собою дверь. Голоса становятся громче.

Мужчина. А я тебе говорю...

Женщина. Ты не смеешь, это подло!

Мужчина. Молчать! Ложь! Ты уличная...

Женщина. Что ты, Горя! Погоди! Не тронь!

Нет, нет.

Слова обрываются, мгновение полной и глубокой тишины — и один другим раздаются два выстрела: раз! раз! — И сразу пропадает тишина и все становится криком, шумом, бегом. Из-за двери, откуда стреляли выскальзывает полуодетая женщина и быстро пробегает, что-то крича в столовую; за нею, стукнувшись о притолку, выбегает высокий, без пиджака, мужчина и еще раз стреляет ей вслед: со стены сверху валятся осколки разбитой тарелки. Но стреляющего уже охватили по плечам крепкие руки: то выбежал из своей комнаты студент в тужурке и борется, отнимая револьвер. За ним стоит растерянно второй студент, в сюртуке, видимо, посторонний в доме, не знает, что ему делать.

Георгий Дмитриевич. Пусти! Я ее убью!
Она...

Алексей. Отдай револьвер!

Георгий Дмитриевич. Пусти, ты меня душишь. *(Роняет на пол револьвер.)*

Алексей. Фомин, возьмите. Да револьвер, револьвер возьмите... а, черт! Ну и сильный же ты, Горька, вот не ожидал, что ты такой сильный. Сиди!

Сажает его на стул. Фомин, все так же неловко и растерянно держась, поднимает револьвер и прячет в карман.

Георгий Дмитриевич. Я ее ранил.

Алексей. Нет, цела.

Георгий Дмитриевич. Второй попал.

Алексей. Нет, цела, бежала. Боже мой, что же это! Надо узнать. Фомин, пойдите узнайте.

Фомин. Я не знаю, куда идти.

Алексей. Да в дверь, да в ту, в ту... а, черт! Товарищ первый раз пришел, а ты тут такое... Ах, Горюшка, Гори да что же это! Воды хочешь? — у тебя руки дрожат, можно, как можно!

Георгий Дмитриевич. Дапусти ты меня!

Алексей. Прости, забыл. Горя, брат, что

Георгий Дмитриевич. Она изменила мне.

Алексей. Врешь!

Георгий Дмитриевич. Какая подлость, Боже мой, Боже мой! Ах, брат Алеша, брат Алеша, что делается на свете! Ты подумай: наша Катя, наша чистая Катя... ведь и ты любил ее, это правда, любил? — скажи!

Алексей. Да и люблю! И не... Вам что надо, что вы лезете?

Полуодетая горничная в двери из внутренних комнат.

Горничная. Я... я думала...

Алексей. Убирайтесь! Тоже — лезут!

Георгий Дмитриевич. Никого не пускай.

Алексей. Нет, нет. Ты что говоришь?

Георгий Дмитриевич. Я ничего. Изменила, брат, изменила!

Алексей. Конечно, любил и люблю. И не поверю, пока сам...

Георгий Дмитриевич. Молчи! Раз я тебе говорю... или я так ни с того ни с сего стану стрелять в человека? Я!

Алексей. Да уж! Сиди, сиди, верю. Что же он не идет?

Георгий Дмитриевич. Кто?

Алексей. Фомин.

Георгий Дмитриевич. Она ранена?

Алексей. Неизвестно. Сейчас придет Фомин... чего тебе, воды?

Георгий Дмитриевич. Да.

Алексей. Вот, пей... как руки-то дрожат.

Георгий Дмитриевич. Ты подумай: у женщины двое детей!

Алексей. Ладно, ладно... А, Фомин, наконец, ну что? — что вы там пропали.

Фомин. Ничего. Я не мог найти дороги. Пошел в какую-то дверь.

Алексей. Да что ничего... а, черт! Она ранена?

Фомин. Нет, нет, нисколько.

Алексей. Ну, и слава Богу.

Георгий Дмитриевич громко смеется.

Фомин. Там какая-то пожилая дама... Да вот!

Громко плача, входит высокая, полная дама, одета наскоро по-ночному, торопится.

Вера Игнатьевна. Горюшка, что же это, голубчик ты мой, Горюшка! Слышу... ночью... стреляют... До чего я дожила, Господи! Слышу... ночью... стреляют...

Георгий Дмитриевич (*нетерпеливо и резко*).
Ах, мама! Ну и ночью, ну и стреляют, ну и что же? Ах, мама, всегда вы не те слова скажете, что надо.

Алексей. Молчи, Горя. Не плачь же, мама, успокойся, все благополучно.

Вера Игнатьевна (*плачет*). Какое же это благополучно. Ранена она, что ли?

Алексей. Да нет, мимо. Промых!

Георгий Дмитриевич (*смеется*). Мимо!

Вера Игнатьевна (*плачет*). Хоть бы о детях подумали. Двое детей ведь.

Георгий Дмитриевич. Мама!

Вера Игнатьевна. Что теперь будет? Член Думы, депутат, и так тобою все гордятся, и вдруг теперь под суд как какой-нибудь уличный...

Алексей. Ничего не будет, мама, никто не узнает.

Вера Игнатьевна. Как никто — а прислуга? Ты посмотри сейчас, что на кухне делается. Сюда-то боятся идти; Саша уж за дворником хотела бежать, да я ее не пустила: куда, говорю, дура, тебе это слышалось! Завтра же к отцу в деревню уеду, завтра же! Всегда я тебе говорила, Горя, что она плохая женщина...

Георгий Дмитриевич. Молчите, мама, вы не смеете...

Вера Игнатьевна. А стрелять лучше? Слушал бы, Горюшка, мать, так и стрелять не нужно было бы.

Алексей. Ты ее не знаешь, мама. Молчи!

Фомин (*тихо*). Стибелев, может быть, мне уйти?

Алексей (*громко*). Да чего уж: раз попал в свидетели так сиди. Правда, посидите, Фомин, а то так все это... Хочешь вина, Горя?

Георгий Дмитриевич. Нет.

Алексей. Иди оденься, ты весь дрожишь. Дать пиджак? Я дам.

Георгий Дмитриевич. Нет. Что она делает?

Алексей. Сейчас узнаю.

Георгий Дмитриевич. Пусть сейчас же уезжает. Сейчас же, слышишь?!

Алексей. Да, да, я ей скажу. Да, думаю, она

и теперь не останется. Вы тут посидите, я сейчас...

Георгий Дмитриевич. Денег дай ей.

Алексей. Какие еще деньги!

Георгий Дмитриевич. Говорю — дай. И немедленно уезжала! Алексей!

Алексей (*оборачиваясь от двери*). Да что?

Георгий Дмитриевич. Чтобы немедленно уезжала.

Алексей. Да уж! Сама не останется, я думаю... Хорошо, хорошо! (*Уходит.*)

Вера Игнатьевна. Садитесь, молодой человек. Как ваша фамилия?

Фомин. Фомин. Я товарищ вашего сына.

Вера Игнатьевна. Вот как Бог привел познакомиться! Садитесь. Который же теперь час?

Фомин. Без десяти минут час. Ваши отстают на пять минут.

Вера Игнатьевна. Ох, Господи, вся еще ночь впереди, а я уж думала... Горюшка, надень что-нибудь, голубчик, тебе холодно.

Георгий Дмитриевич (*ходит по комнате*). Нет!

Вера Игнатьевна. Это ты разбил тарелку? Горюшка, сын ты мой несчастный, так как же мы теперь с тобой будем? (*Плачет.*)

Георгий Дмитриевич. Не знаю, мама, как-нибудь проживем.

Вера Игнатьевна. Ты ей детей не отдавай,

Горя! Она их развратит.

Георгий Дмитриевич. У меня нет детей. У меня ничего нет.

Вера Игнатьевна. Как ничего? А Бог?

Георгий Дмитриевич смеется, не отвечая.

Стыдно так, Горя!

Фомин (*нерешительно*). Может быть, я лишний? Да и пора мне.

Георгий Дмитриевич. Оставайтесь. (*Брезгливо и резко.*) Как вы не поймете, коллега, что сейчас не может быть посторонних. Смешно и дико: только сейчас чуть не был убит человек, смерть еще стоит в углу, а он говорит: посторонний, лишний! Когда все спокойно, тогда он не лишний, а как только нужно, как только что-нибудь случилось... Нелепость какая!

Вера Игнатьевна. Не волнуйся, Горюшка, молодой человек побудет. Побудьте, молодой человек, а то нам страшно.

Фомин. Я с удовольствием.

Георгий Дмитриевич. Вместо того чтобы бежать куда-то и прятаться, вы лучше посмотрите внимательнее и подумайте, что делается. Вы еще молоды, вам это может пригодиться... пригодиться. Мама, это дети плачут?

Вера Игнатьевна. Нет, не слышу. А может быть и плачут.

Плачет.

Георгий Дмитриевич. Да, пусть плачут. Вы посмотрите: ведь это ночь. Вы понимаете: ночь. И дом, хороший дом: видите, какая роскошь? А там плачут дети...

Вера Игнатьевна. Она тебе созналась?

Георгий Дмитриевич. Да, почти. Не мешает мама. И вы подумайте... ведь вы знаете меня.

Фомин. Как же! Я и в Думе вас слышал.

Вера Игнатьевна. Надел бы ты пиджак, Горя.

Георгий Дмитриевич. Нет. И вы подумайте: что нужно пережить, испытать человеку, такому, как я, чтобы взять револьвер и... Да, о чем я сейчас говорил? Да: я говорил, что ночь. Вот где ночь (*бьет себя по лбу*), понимаете? — вот где ночь. Да что там делают с детьми, бьют их что ли! Это невозможно.

Быстро открывається дверь в столовую, и на пороге показывается Екатерина Ивановна, жена. За нею Алексей, безуспешно старается удержаться ее.

Екатерина Ивановна. Я уезжаю, вы слышите, уезжаю! Но вы подлец, да, да, вы хотели убить меня...

Георгий Дмитриевич (*бешено*). Уберите ее! Иначе... Вон!

Алексей. Катя!..

Екатерина Ивановна. Вы хотели убить

меня! (Закрывает глаза ладонями рук и закидывает голову назад, точно готовясь упасть.)

Алексей. Да, да, — ах, да уходи же, Катя, ты с ума сошла!

Екатерина Ивановна (оборачиваясь к нему). Алеша, Алеша, он хотел убить меня... Только Бог... для детей... Только Бог спас...

С внезапным рыданием уходит. Алексей сзади загораживает ее.

Георгий Дмитриевич (делая шаг к двери). Вон!..

Вера Игнатъевна (в ужасе). Горя!..

Фомин. Послушайте же...

Вера Игнатъевна. Горя... Пожалей меня, Горя! Я не могу... Я сейчас... Воды мне дайте, воды!..

Фомин. Послушайте, нельзя же, послушайте...

Георгий Дмитриевич. Ну хорошо, ну хорошо .... дайте же ей воды.

Вера Игнатъевна в полуистерике пьет воду. Входит Алексей и на ходу быстро взглядывает на мать, потом на брата.

Алексей. Так... Ты еще что, мама?

Вера Игнатъевна. Я ничего, уже прошло. Горя, Горя...

Георгий Дмитриевич. Зачем ты пустил ее сюда? — силы не хватило удержать?

Алексей (*угрюмо*). Не хватило. Она совсем с ума сошла.

Георгий Дмитриевич. Отчего плачут дети?

Алексей. Оттого, что их одевают. А и плохо же ты стреляешь, брат Георгий!..

Георгий Дмитриевич. Хм... А лучше было бы, если бы убил, так, по-твоему?

Алексей. Может быть, и лучше.

Георгий Дмитриевич. Как тебе известно, я не умею стрелять. Я не спортсмен...

Алексей. А не спортсмен и не умеешь стрелять, так и не берись.

Георгий Дмитриевич. Алексей!..

Алексей. Ну, ну, не сердись, я и сам, кажется, немного ошалел. С вами ошалеешь.

Георгий Дмитриевич. Это рассуждение спортсмена. Ты слишком много времени посвящаешь гимнастике и борьбе, и твои взгляды — извини — отдают ареной. В мое время студенты...

Алексей. Верно, Горюшка, верно. Спортсмен и говорю глупости. Прости, милый, не сердись, ну, дай руку, ну, ладно. Я тебе сейчас пиджак принесу — где он, в кабинете?

Георгий Дмитриевич. Да. Не надо.

Алексей. Нет, надо. Некрасиво так-то бегать. Что, брат, ни говори, а пиджак — это приличие, и человек без пиджака... (*Уходит в кабинет.*)

Георгий Дмитриевич. Алексей!..

Вера Игнатьевна. Он так тебя любит, Горюшка, он это нарочно шутит, чтобы успокоить тебя. Выпил бы ты вина, Горя.

Георгий Дмитриевич. Дайте.

Вера Игнатьевна встает, чтобы достать из буфета вино. Одновременно из разных дверей входят Алексей с пиджаком в руках и гувернантка-французженка, кокетливая, завитая; держится вызывающе.

Гувернантка. Мадам просила сказать...

Алексей. Ну-ка, надень, Горя. Что Екатерина Ивановна просила передать?

Гувернантка. Мадам просила передать Георгию Дмитриевичу, что она возьмет для Катечки их шубу, так как на улице большой холод.

Георгий Дмитриевич. Да, да, пожалуйста.

Гувернантка. Завтра шубу пришлют.

Алексей. Скажите, хорошо. Вам еще что-нибудь надо?

Гувернантка. Мне? Нет, ничего.

Уходит, прищурив глаза на Георгия Дмитриевича. Молчание.

Георгий Дмитриевич. Вот что, мама: я знаю, вам это неприятно сейчас... Пойдите, посмотрите, что там дети, как их одевают и вообще. Только, пожалуйста, мама, ни слова не говорите... Екатерине Ивановне: достаточно...

Вера Игнатьевна. А что мне ей говорить? Что надо было сказать, то уж сказала. А теперь что ж говорить. А как же ты тут? — уж ты, Алеша, его не оставляй.

Алексей. Хорошо, хорошо, мама. Иди. Дай-ка и мне. Горя, стаканчик вина. Фомин, вы не хотите?

Фомин. Нет, Стибелев, благодарю.

Вера Игнатьевна уходит.

Алексей. Горюшка, а не пройдем мы с тобой на минутку в кабинет?

Георгий Дмитриевич. В кабинет? Нет, не хочу.

Алексей. Да, да... Ну, так вот что: пойдите, Фомин, на минутку ко мне в комнату, покурите. Я вас потом позову.

Георгий Дмитриевич. Может быть, коллега домой хочет?

Фомин. Нет, я с удовольствием посижу. Еще рано. *(Уходит.)*

Георгий Дмитриевич. Ну и дубина же этот товарищ.

Алексей. Нет, это он от деликатности не знает, что ему делать... Сам посуди, положение ведь, действительно неловкое. Горя... Ты что же это, Горя, а?

Георгий Дмитриевич. Как видишь, Алеша.

Алексей. Ты где револьвер взял? — я сперва

подумал, что это ты моим воспользовался.

Георгий Дмитриевич. Нет, третьего дня купил.

Алексей. Так, купил. Значит, с заранее обдуманном намерением?

Георгий Дмитриевич. Значит. Как это страшно, брат, когда среди ночи одевают детей, чтобы ехать, и дети плачут. Катечка в моей шубе... э, да не все ли равно теперь, Вот тебе и жизнь моя, Алексей, вот тебе и жизнь. Какая тоска!

Алексей. Ты не сердись на меня, Горя, но... уверен ли ты, что... Конечно, если у тебя на руках факты, то... Но никак, никак не могу я себе представить, чтобы Екатерина Ивановна, Катя...

Георгий Дмитриевич. А я мог? Но факты, брат, факты!

Алексей (*с недоверием*). Конечно, если факты... Нет, нет, я ничего не говорю, я только удивляюсь. Ведь пять лет вы с нею жили...

Георгий Дмитриевич. Почти шесть...

Алексей. Почти шесть, — и ведь ничего же не было такого? И Катя... и ты сам же звал ее «не тронь меня», да и все мы... и просто, наконец, она не похожа на женщин, которые изменяют!

Георгий Дмитриевич. Зови ее Екатерина Ивановна.

Молчание.

Что она там делает? — ты говоришь: с ума

сошла.

Алексей. Укладывалась, когда я пришел.

Георгий Дмитриевич. Она очень... испугана?

Алексей. Да, кажется. Может быть, тебе сейчас тяжело об этом говорить? — тогда давай о чем-нибудь другом.

Георгий Дмитриевич. Давай о другом. Но какое все-таки счастье, что я не попал в нее! И неужели это могло быть, и пуля могла попасть в нее и убить. Убить? — странное слово. Да, я стрелял. Три раза, кажется? Да, три раза.

Алексей. Ты в кабинете стекло в книжном шкафу разбил.

Георгий Дмитриевич. А вторая пуля где?

Алексей. Не видал.

Георгий Дмитриевич. Надо поискать. Третья здесь... Алеша?

Алексей. Ну?

Георгий Дмитриевич. Тебе кажется это диким? О чем ты думаешь?

Алексей. Да все о том, как ты плохо стреляешь. Послушай, Горя, если тебе не больно об этом говорить... я все никак, брат, не могу представить... Кто он, ну, этот самый?

Молчание.

Коромыслов, да?

Георгий Дмитриевич. Почему

Коромыслов? *(Подозрительно.)* Почему Коромыслов? У тебя есть какие-нибудь данные? Почему Коромыслов?

Алексей. Постой, какие данные... я просто спрашиваю тебя.

Георгий Дмитриевич. Но ты сказал: Коромыслов.

Алексей. А, черт! Перебирал всех, кого знаю, ну и он самый интересный, художник, наконец, и вообще красивый человек. И Катя у него часто бывала, и вид у него такой, что он это может... ну, доволен? Вот мои основания.

Георгий Дмитриевич. Нет, ты с ума сошел: Коромыслов! Павел — мой друг, настоящий, единственный, искренний друг и... Ментиков, да, да, не делай большие глаза, — Ментиков!

Алексей. Постой, я не делаю глаза... Какой Ментиков? Аркадий Просперович, этот? Ментиков?

Георгий Дмитриевич. Да что ты затвердил! Этот, ну да, этот, потому что другого нет и... перестань же, Алексей, я тебя прошу. Человек каждый день бывает у нас в доме, а ты припоминаешь его, как будто первый раз в жизни услышал. Что за комедия!

Алексей. Это ничтожество? *(Разводит руками.)* Ну, Горя, конечно, ты сейчас в таком состоянии, но я был лучшего мнения о... ну, да ты уж не сердись, брат: я был лучшего мнения о твоих

умственных способностях.

Георгий Дмитриевич. Да?

Алексей. Да. Стрелял в человека, только случайно его не убил — и за что? В конце концов, пожалуй, и хорошо, что ты не умеешь стрелять: ты мой старший брат, и я вообще многим тебе обязан, но я прямо скажу — таким людям, как ты, нельзя давать в руки оружия. Прости.

Георгий Дмитриевич. Ах, Алексей, Алексей!

Алексей. Да. Прости.

Георгий Дмитриевич. Куда ты?

Алексей. К Кате.

Георгий Дмитриевич. Милый ты мой мальчик! У тебя мускулы, как у атлета, из тебя вырабатывается стойкий, сильный и даже красивый — да, да, красивый! — мужчина, но тебе всего двадцать три...

Алексей. Двадцать два пока.

Георгий Дмитриевич. Двадцать два года, и ты ничего не понимаешь! Ты думаешь, что в жизни страшны и опасны только сильные, — нет, голубчик, сильные страшны лишь для слабых и ничтожных. А для нас, сильных, для таких, как ты и как я, пожалуй, — страшны именно ничтожные. Как может Павел Коромыслов отнять у меня женщину... жену, когда я сильнее Коромыслова, так же по-своему талантлив, так же умен, и,

наконец, приемы борьбы у нас одни и те же! Но ничтожество, которого не опасешься, которого ты даже не замечаешь, потому что оно ползает ниже уровня твоего взгляда; ничтожество, у которого свои аппетиты, желанья, которого ничем нельзя оскорбить, которое втирается, терпит плевки, страдальчески хлопает глазками и, наконец, в одну из тех минут, когда женщина...

Алексей. Это невыносимо слушать!

Георгий Дмитриевич. Да? И ничтожество еще тем соблазнительно для женщины, Алеша, что с ним нет греха. Разве он человек? разве он мужчина? Так, подползло что-то в темноте, и... Потом его можно выгнать, потом все можно забыть... искренно забыть, как умеют забывать женщины, забыть даже до возмущения, если кто-нибудь осмелится напомнить. Как? Я? — с ним? Правда, иногда от ничтожеств рождаются дети... У нас нет коньяку? — это вода, а не вино. Дай мне коньяку, скорее!

Алексей молча ищет в буфете.

Меня потягивает так, будто я смертельно хочу спать.

Алексей (не оборачиваясь). Реакция.

Георгий Дмитриевич. Уже? Нет, для реакции рано. Ну, что же?

Алексей. Коньяку нет, Горя. Можно добыть, если хочешь, я пошлю Фомина.

Георгий Дмитриевич. Нет, не надо. Ты заметил, что Екатерина Ивановна последнее время была неразлучна с этим господином?

Алексей. Он и у тебя был на побегушках.

Георгий Дмитриевич (*смеется*). Да, да! В том-то и ужас, Алеша, в том-то и ужас, что он очень услужлив и даже мил — даже мил. Он всегда под рукою, и еще то приятно, что над ним всегда можно посмеяться, поострить... Впрочем, я, кажется, сейчас не могу говорить.

Алексей. Тебе нехорошо.

Георгий Дмитриевич. Одним словом, она была с ним на свидании, у него в номерах. Она говорит, что ходила затем, чтобы дать ему по морде, и дала! Он, видишь ли, уже два года пристает к ней, умоляет, пишет письма...

Алексей. Почему же она сама не написала ему? — или не сказала тебе?

Георгий Дмитриевич. Да вот — почему? Потому, видишь ли, что она ему и писала и говорила, да он не верит.

Алексей. По физиономии можно было и у нас в доме дать.

Георгий Дмитриевич. Ты думаешь? Ну вот, а она пошла к нему для этого в номера и была там два часа... да, да, не удивляйся точности, два часа с минутами. Я был на улице.

Алексей. Анонимка?

Георгий Дмитриевич. Да. Коньяку нет?

Алексей. Я уже сказал тебе, что нет... Я бы не пошел.

Георгий Дмитриевич. Ты думаешь, я придал значение этому... визиту? Нет, ни малейшего, и поверь мне, Алеша, мне было смешно. Вот, думаю, посмеешь ее. И все улыбался, все улыбался! *(Смеется.)* Ведь, ведь как хочешь, Алеша, шесть лет! Правда, в последний год я видел ее мало: я занятой человек, я общественный деятель, у меня шея трещит от работы!.. и не могу же я следить за каждым ее шагом ....

Алексей. Конечно.

Георгий Дмитриевич. У меня своего дела много! Знал, что все хорошо, и дети здоровы, и... ну, да что! И вечером, уже вечером, с явным намерением спрашиваю ее, улыбаюсь, — идиот! — и спрашиваю: отчего... отчего у тебя такие томные глаза, Катя? — Разве? — Все улыбаюсь: где ты была сегодня утром? И...

Алексей. Ну?

Георгий Дмитриевич. Солгала. Я ничего не стал говорить ей, но, Алеша, что со мной было в тот вечер! Ко мне приклеилась эта подлая улыбка, — ведь она была не без хитрости, Алеша! — и ничем не могу стереть ее! Лежу на диване и плачу, а сам у... у... улыбаюсь. *(Отходит в угол, некоторое время стоит лицом к стене).*

Алексей. Горя!

Георгий Дмитриевич (*не оборачиваясь*).

Если бы... сегодня... ты не вырвал у меня револьвера... Молчи, молчи! Я сейчас.

Алексей. Горя! Я позвоню Коромыслову, пусть приедет.

Георгий Дмитриевич. Павлу? Позвони. Павлу позвони. Сегодня она тоже лгала в начале разговора... да и в конце тоже. Позвони Павлу, да еще... Нет, ничего, позвони и скажи, что очень нужно, необходимо.

Алексей. Я быстро. Только дома ли он? Ну, ну, Горя, я сейчас.

Уходит в кабинет. Георгий Дмитриевич один. Медленно бродит по комнате, лицо его выражает открытое горе. Входит Вера Игнатьевна.

Вера Игнатьевна. Горюшка, пойдй поцелуй детей. Катечка тебя зовет, плачет...

Георгий Дмитриевич. А она?

Вера Игнатьевна. Она уехала, Горюшка, она вперед поехала с Сашей. Дети с бонной поедут.

Георгий Дмитриевич. Уехала?

Вера Игнатьевна. Да, к Дементьевым. Пойди, Горюшка, детки тебя ждут.

Георгий Дмитриевич. Нет, не хочу.

Вера Игнатьевна. Катюшка плачет.

Георгий Дмитриевич. Нет. Пусть едут.

Вера Игнатьевна. Благослови их, Горюшка,